

"ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАКОН ОЛИГАРХИИ" Р.МИХЕЛЬСА*
(В РАБОТЕ "К СОЦИОЛОГИИ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ")

MICHELS R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie:
Untersuchungen über die oligarchen Tendenzen des Gruppenlebens. -Leipzig; Klinkhard, 1911. - XIX, 401 S. -
(Philos.-sociol. Bucherei; Bd 21).

В основной работе Роберта Михельса "К социологии партии в условиях современной демократии. Исследование олигархических тенденций, действующих в жизни групп", которая после своего выхода в свет была признана классической и вызывала в течение долгого времени длительные дискуссии, разработан так называемый "железный закон олигархических тенденций", действующий, по мнению Михельса, во всех организациях, в том числе и в партиях.

* Роберт Михельс (1876-1936) - один из крупнейших социологов первой половины XX в.; родился в Кёльне, преподавал в Германии, США, Швейцарии, Италии. Автор книг "Пролетариат и буржуазия в итальянском социалистическом движении" (1908), "Социализм и фашизм в Италии" (1925), "Перегруппировка правящих классов после войны" (1934) и др

Работа Михельса написана по материалам Социал-демократической партии Германии, в деятельности которой он, живя в Марбурге; принимал активное участие, не будучи формально членом СДПГ.

Михельс рассматривает проблемы взаимоотношений вождей и масс, несоответствия революционных идеалов реформистской практике вождей, манипулирующих массами ради практических целей, а подчас и компромисса с правящей верхушкой, и делает вывод, что в основе этих явлений лежит "железный закон олигархии", который приходит в столкновение с демократическими идеалами и препятствует их осуществлению.

Анализ комплекса тенденций, мешающих осуществлению демократии, позволяет выявить три группы тенденций, связанные 1) с человеческой природой, 2) с сущностью политической борьбы и 3) с природой организации как таковой. Все эти тенденции способствуют неизбежному превращению демократии в олигархию. В XIX в. наряду с индивидом и государством появился новый элемент социальной жизни в лице политической партии. Если история едва ли не каждой европейской партии хорошо известна, то анализ природы партии еще исследован мало. Обращаясь к этому вопросу, автор указывает на то, что демократия как политическое явление и как теоретическое направление переживает кризис, связанный не столько с внешними препятствиями, сколько с ее собственной природой.

Прежде чем перейти к этой проблеме, Михельс анализирует понятие аристократии и демократии в современной ему действительности и методы политических партий, независимо от их политической направленности.

Если теоретические принципы монархического правления, с одной стороны, демократического - с другой, резко противостоят друг другу, то на практике эти принципы обретают такую Эластичность, что формы господства в обоих случаях часто сближаются. Аристократический принцип в его крайней степени уничтожен под натиском демократических сил и модифицируется самым различным образом как в государственном строе, так и в

партийной жизни, принимая подчас обличье демократии и даже революционности, чтобы тем самым обрести поддержку в народных массах.

В этой связи ставится вопрос о том, что следует понимать под революцией и контрреволюцией. Если исторически с революцией обычно связывается освободительная борьба общественных слоев, то логически в основе этого понятия лежит насильственное фундаментальное преобразование структуры общества, независимо от того, какой класс и какими методами это преобразование совершает. Революционным, следовательно, можно считать любой класс, направляющий свои действия к коренному изменению существующих условий, будь то с оружием в руках, либо с помощью новых законов или новых методов в экономике. Под этим углом зрения понятия революционного и реакционного (в отличие от консервативного), революции и контрреволюции теряют свою антагонистичность. Из этого делается вывод (в котором чувствуется несомненное влияние Макса Вебера), что при анализе столь сложных явлений следует всячески избегать однозначных определений, а тем более связывать с ними моральные представления. Оценочные суждения могут быть полезны в политической борьбе и даже служить нравственным целям, но они, как правило, неприменимы для дефиниции тенденций исторического развития.

В ходе политической борьбы консервативные партии стали искать поддержку широких народных масс, и в ряде случаев даже революционного пролетариата, обещая защитить его от эксплуатации капиталистов, связанных с демократическими партиями, и расширить привилегии профсоюзов. Так, в Англии в ходе выборов 1910 и 1924 гг. и консервативная, и либеральная партии по существу апеллировали к пролетариату, одна - провозглашая демократические идеи и призывая к социальным реформам, другая - рисуя жалкое существование рабочих в капиталистическом обществе. Обе эти партии обещали больше, чем могли выполнить, но вместе с тем своей агитацией признавали, что

считают рабочих решающей силой в политической борьбе. Демократические лозунги и демагогические методы являются необходимым средством получить большинство депутатских мест в парламенте.

Что касается либеральных партий, то они, используя в своих целях народные массы, отнюдь не склонны полностью опираться на них.

Уже творцы американской конституции опасались чрезмерного влияния народных масс и призывали к ограничению их влияния на органы законодательной и исполнительной власти. Определенные черты аристократического мировоззрения, которые находят свое выражение в страхе перед ростом народного представительства, безусловно, присущи буржуазным либеральным партиям. Невольно напрашивается вывод, что в современной действительности аристократические партии стремятся перенять демократические формы, тогда как содержание политики демократических партий по своей сущности аристократично. В одном случае - аристократия принимает демократическую форму, в другом - демократия аристократическое сознание.

В консервативных партиях вне периодов избирательных кампаний тенденции к олигархии очевидны. В либеральных же партиях внешняя демократическая форма легко может ввести в заблуждение поверхностного наблюдателя. Поэтому особенно важно выявить и здесь наличие тенденции к олигархии, свойственной "любой организации, в том числе и социал-демократическим революционным рабочим партиям, наличие имманентных любой целенаправленной организации олигархических черт.

В непредвзятом анализе вопроса, почему в самих борющихся против олигархии партиях возникают эти же черты, автор видит одну из существенных задач своей работы.

Если социально-экономические условия и препятствуют созданию на данной стадии идеальной демократии, то интересно выявить, в какой степени в современном общественном устройстве,

среди тех элементов, которые стремятся сломать его и построить новое общество, существуют силы, способные если не осуществить идеальную демократию, то хотя бы приблизиться к ней.

Этические мотивы стали непременным атрибутом политической борьбы. Все партии, независимо от своих реальных целей, выступают от имени всего народа, объявляют себя выразителем его воли, призывают к созданию справедливого общества. Примером могут служить лозунги молодой французской буржуазии в ее борьбе против аристократии и церкви. Однако создала она хорошо функционирующую республику, а отнюдь не демократию. Истории известны революции, но отнюдь не демократии. Если вожди социалистических партий и говорят о классовом характере своей партии, то неизменно прибавляют, что ее интересы совпадают с интересами всего народа. В своем анализе партии как организации, которой в силу самой ее природы присущи черты олигархии, Михельс исходит из того, что организация как таковая, безусловно, необходимое условие существования демократии. Каждый класс, предъявляющий обществу свои требования, нуждается в организации. Именно организация является оружием слабых в их борьбе с сильными. Лишь она создает солидарность пролетариев, благодаря ей они обретают способность к политическому сопротивлению и социальное достоинство. Тем самым принцип организованности можно считать непременным условием борьбы масс. Однако это политически необходимое условие таит в себе и опасность, которая проявляется в неизбежном перерождении в олигархию. Дело заключается в том, что сама структура организации коренным образом меняет отношение вождя к массам и создает внутри партии (или профсоюза) деление на ведущее меньшинство и ведомое большинство. И если сначала права и привилегии распространяются на все больший круг людей, то в дальнейшем развитии демократии наблюдается обратное движение, которое позволяет прийти к следующему выводу: вместе с ростом организации растет власть вождей.

Прежде чем перейти к характеристике причины этого явления, Михельс останавливается на вопросе о невозможности непосредственного господства масс, т.е. непосредственного выражения и осуществления воли народа.

Рассматривая ряд попыток передать принятие решений народу, Михельс указывает, что толпа, подверженная законам массовой психологии, в большей степени действует под влиянием искусных ораторов, подчиняющих ее своей воле, теряет чувство ответственности и легко принимает необдуманные решения.

Однако даже не это обстоятельство служит решающим доводом, свидетельствующим о невозможности народного суверенитета; таковым является техническая неприемлемость данной процедуры. Без представительства, без обсуждения серьезных вопросов узким кругом лиц технически невозможно ни функционирование государственной машины, ни функционирование партии.

С начала XX в. неперенным требованием для занятия поста функционера, а затем вождя партии становится определенный уровень образования и политической подготовки. Возникает слой профессиональных политиков, функционеров, которые прошли соответствующую подготовку и обладают находимыми навыками для политической деятельности. Совершенно очевидно, что этот путь ведет к созданию элиты внутри рабочего класса. Все права масс делегируются теперь вождю, освободившемуся от их контроля. Мандаты и инструкции оказались нецелесообразными, так как они связывали волю делегата и мешали ему принимать решения в меняющейся ситуации.

Современная партия - это в политическом смысле слова боевая организация, поэтому быстрота и эффективность ее действий зависят от безусловного следования законам тактики, т.е. способности быстро реагировать на требования момента и обеспечивать точное выполнение поставленной задачи. Это в свою очередь неизбежно ведет к олигархической, централизованной структуре.

Большая часть работы Р.Михельса посвящена проблеме власти партийного руководства, выявлению технических, психологических, интеллектуальных причин ее возникновения. Если административно-технические условия непосредственно связаны с ростом организации, то психологические моменты проистекают из сложившейся традиции, из уверенности вождя в своей незаменимости, позволяющей ему при малейшем колебании доверия к нему грозить отставкой. С другой стороны, значительную роль играет равнодушие большинства членов партии (а также профсоюза) к повседневным вопросам, решение которых они охотно предоставляют правлению, а также потребность покориться сильной воле вождя. Это свойство, в целом присущее всем народам, колеблется в зависимости от национальных особенностей и находит свое высшее выражение в характере немцев, в том числе и немецких рабочих (некоторое отклонение наблюдается у жителей рейнской области). Здесь присутствуют все элементы, необходимые для возникновения неограниченной власти вождя, такие, как склонность к подчинению, дисциплине, вера в непогрешимость, в авторитет.

Оборотной стороной веры в вождя являются пассивность и неспособность продолжать начатую акцию - забастовку или демонстрацию, как только правительству удастся устранить вождя. Отсутствие инициативы масс заставляет носителей власти в демократической партии непрерывно вести напряженную агитацию и одновременно выполнять целый ряд различных функций. В ответ на это массы рядовых членов партии испытывают чувство благодарности и почтения к тому человеку, которому они делегировали власть. В качестве примера можно привести отношение к Гарибальди в Италии, к Бебелю в Германии. Восторженный прием, оказанный Лассалю жителями рейнской области, послужил Бисмарку поводом сказать, что он не берется утверждать, завершится ли история Германской империи династией Гогенцоллернов или династией Лассаля. Аналогичные явления

встречаются повсеместно, в ряде случаев они носят отпечаток религиозных моментов.

Одним из условий суггестивного воздействия, особенно на ранней стадии существования партии, является ораторское искусство. Этот тезис подтверждается многочисленными примерами из истории ряда партий различных стран: Жорес, Гед, Бебель, Турати, Лабриола и многие другие. С другой стороны, отсутствие ораторского таланта препятствовало продвижению в партии. Так, тонкий и образованный политик П.Лафарг должен был, невзирая даже на близость к Марксу, уступить первенство малообразованному и примитивному по своим воззрениям Геду.

Часто слушатели как бы поддаются под гипноз взволновавшего их оратора и в течение долгого времени идеализируют себя с ним настолько, что видят в нем идеализированное отражение своего "я". Восхищение оратором являет собой тогда по существу восторг перед самим собой; это подтверждается уверениями оратора, что он говорит от лица всех присутствующих. Харизма вождя складывается из разных свойств, не обязательно присутствующих в каждом данном случае во всей совокупности. Это прежде всего сила воли, образованность, убежденность в своей правоте, доходящая до фанатизма и т.д. Доступ к передовым постам с легкостью предоставляется знаменитым, пользующимся признанием людям. Примером могут служить Ф.Лассаль, Э.Ферри, Ж.Жорес.

Однако между этими пришедшими со стороны знаменитостями и старыми вождями партии очень скоро возникают трения, которые затем принимают форму борьбы за гегемонию в партии. В основе этой борьбы лежат, помимо простого стремления к власти, и объективные тактические факторы. Вожди, вышедшие из рабочих, обладают большим знанием истории партии и массовой психологии, лучшим пониманием ближайших задач и программы.

В этой борьбе различаются две фазы. В первой - перевес на стороне новых вождей, во второй они уступают место более

опытным старым вождям и либо выходят из партии, либо играют в дальнейшем совершенно незначительную роль.

В каждой развитой организации, будь то демократическое государство, политическая партия или профсоюз рабочих, неизбежно возникает дифференциация. Чем разветвленное становится аппарат, тем больше отодвигается на второй план власть народа, место которого переходит теперь к комитетам, рассматривающим все важные вопросы. Прочная организация нуждается в сильном вожде, в профессиональном политике. Каждый большой партийный аппарат должен располагать известным числом людей, осуществляющих его политику на основе данных им полномочий. По мере того, как задачи становятся все более сложными, установленный партийной программой контроль рядовых членов партии над действиями вождей превращается в фикцию. Сложная структура партийного аппарата ведет к разделению компетенции, к созданию множества бюрократических инстанций и условием правильного функционирования партийной машины.

Совершенно очевидно, что бюрократический характер партийной организации - следствие практической необходимости и неизбежный продукт самого принципа организации. "С ростом бюрократизации партии необходимым образом теряют свое значение два важных принципа социалистической программы: должное понимание идеальных целей в будущем, целей социалистической культуры, и понимание ее национального многообразия. Главным становится механизм" (с.159).

Превращение людей в профессиональных политиков увеличивает различие в интеллектуальном уровне между ведущими деятелями партии и ее рядовыми членами. Опыт истории свидетельствует о том, что для господства меньшинства над большинством, помимо экономического превосходства и влияния традиций, необходимо превосходство интеллекта.

В рабочем движении этим превосходством обладают либо буржуазные интеллектуалы, перешедшие на позиции рабочего

класса (характерно для Италии), либо рабочие, получившие образование с помощью партии. Занимая в партии ведущие должности, они все более обретают необходимые знания в области партийной политики, отдаляются от своего класса и приближаются по уровню своей жизни к мелкобуржуазным чиновникам. Свое завершение этот процесс получает в парламентской деятельности, которая является целью большинства партий.

Обладая профессиональными навыками и специальными знаниями в области парламентской жизни, политики, финансовых и административных проблем, вожди партии становятся незаменимыми. Внутри партии они легко справляются с любой оппозицией, проводят нужные им резолюции, устанавливают порядок заседаний и т.п. Выступая референтами и докладчиками, они легко добиваются необходимых результатов с помощью терминологических ухищрений и сложных обходных путей. Влияние их в качестве депутатов гарантируется их успехами в парламенте и признанием их заслуг общественным мнением. Отозвание депутата означало бы в этой ситуации дискредитацию партии, а также реальный ущерб вследствие невозможности быстро заменить опытного политика, личному влиянию которого партия обязана рядом успехов в области социального законодательства и политических свобод.

"В жизни рабочих партий ежедневно складываются ситуации, в которых действия вождя противоречат основным принципам движения, а рядовые члены партии не решаются сделать из этого необходимые выводы. Иной депутат парламента или профсоюзный лидер по своим теоретическим взглядам и в своей практической деятельности находится в полном противоречии с массами, которые он ведет за собой, но он спокойно продолжает теоретизировать и действовать от имени масс. Массы недоуменно взирают на него, но, как правило, не смеют отказать "великому человеку" в повиновении" (с.83), ибо они уже не могут обойтись без своего опытного вождя. Так, рабочие собственной

волей создают своих господ, главным условием власти которых являются знания, образованность.

Уверенность в некомпетентности масс ведет к теоретическому обоснованию фактического господства вождей. Ряд мыслителей приходят к выводу о необходимости и формально ограничить демократию. В Англии, в частности, Э.Белфорт Бакс, говоря о власти лидера, выдвинул тезис, согласно которому социал-демократия означает не все посредством народа, а все для народа. Социал-демократия есть не демократия, а партия, борющаяся за достижение демократии. Демократия находит свое выражение в цели, а не средствах.

Тем самым демократия превращается в господство лучших, наиболее осведомленных. Вожди - лучшие, наиболее зрелые по своим знаниям и по своему моральному облику, поэтому они не только могут, но и должны занимать ведущие позиции и занимают их не только в качестве представителей партии, но и в силу своих личных достоинств.

Одним из существенных моментов в истории демократических партий является стабильность власти вождей. Ярким примером может служить рабочее движение Германии, где выдвинувшиеся при основании социал-демократической партии благодаря своим выдающимся качествам Либкнехт и Бебель сохранили свое влияние и 30 лет спустя. Такая же стабильность наблюдается и среди функционеров других рабочих партий.

Известно, что длительное пребывание на одном посту может привести к перерождению демократии. Казалось бы, частые перевыборы должны привлекать новые силы. Однако традиции и инстинктивное стремление к стабильности на деле оказываются сильнее, и во главе партии, особенно если это относится к Социал-демократической партии Германии, стоят длительное время одни и те же люди.

Хотя теоретически каждый член партии может вычеркнуть любое имя в предлагаемом ему списке - тем более, что выборы, в Германии в частности, происходят на основе тайного голосования, -

на практике такого рода действия чрезвычайно редки и встречают сильнейшую оппозицию. Таким образом, высшие посты в партийных инстанциях становятся должностью, обычно пожизненной или во всяком случае на длительное время. "Можно с полным правом сказать: в Германии вожди социал-демократии живут в партии, сидят на службе партии и умирают, как жили" (с.88). Однако частая смена руководства нарушила бы спокойную плодотворную деятельность.

Рабочий класс Германии долгое время - вплоть до первой мировой войны - не ведал, в отличие от французских и английских рабочих, разочарования в своих вождях, которые сохраняли тесную связь с массами и действительно выражали в правлении партии и, хотя в несколько меньшей степени, в парламенте мнение большинства.

Таким образом, доверие политически организованных рабочих Германии к своему руководству в значительной степени вызвано его политической и моральной благонадежностью. Отчасти верно утверждение, что в стране, где нет парламентского правительства, нет и искушения коррупции, тем не менее попытки правительства подкупить деятелей Социал-демократической партии известны, и известно также, что они, как правило, были безрезультатны.

Михельс останавливается на дискуссии по вопросу, должны ли оплачиваться выборные должности, т.е. деятельность партийных работников и депутатов парламента. Указывая на чисто финансовые трудности, связанные с выполнением данных функций, он приходит к выводу, что при неоплачиваемости партийной и парламентской деятельности представительство от беднейших слоев получают те, кто может легко нести значительные издержки. Если в Голландии, Франции, Италии обстоятельства именно таковы, то в Германии главную роль играет финансовое положение не индивида, а местных партийных органов.

Вторжение плутократов происходит и в прессе, в частности во французской, где члены партии, финансирующие партийную

прессу, влияют на ее направленность. Причины, которые лежат в основе такого меценатства, могут быть различными - от честолюбивых замыслов до чистого идеализма. В целом очевидно, что партия может находиться в зависимости от тех ее членов, которые располагают большими финансовыми возможностями, а там, где расходы оплачиваются из партийной кассы, возникает господство ведающего финансами партии меньшинства. Такая ситуация складывается в демократических партиях со сложным финансовым управлением, в частности в Социал-демократической партии Германии. Партийная бюрократия ведает прессой, издательством, агитаторской деятельностью, что позволяет ей устранять конкурентов и недовольные элементы. Нет никакого сомнения в том, что увеличение материального обеспечения членов партии привело бы к значительному расширению ее состава. Однако означало ли это рост внутренней силы, единства и тактической последовательности, остается неясным.

В Италии и Франции низкая оплачиваемость партийной деятельности долгое время рассматривалась как средство сохранить идеализм членов партии. Но результат оказался обратным: низкая оплачиваемость вела к коррупции и отсутствию преемственности.

Появление профессиональных политических вождей означало, по мнению Михельса, начало конца демократии. Акт выборов, делегирование власти - это отказ от народного суверенитета.

Высший слой партийного руководства состоит обычно из членов парламента. Примером могут служить Бебель, Жорес, Гед, Адлер, Вандервальде, Ферри, Турати и др. Тем самым современные демократические партии приобретают парламентский характер. В особенно сильной степени это относится к Социал-демократической партии Германии, где выступления ее депутатов в парламенте, как правило, не обсуждаются и, тем более, не встречают порицания, даже если они противоречат принципам партийной программы. История деятельности парламентских фракций складывается из длинного ряда нарушений решений

партии. Более того, парламентская фракция становится все более автономной, независимой от воли избирателей, о чем свидетельствует, например, высказывание Филиппе Турати на съезде 1908 г. в Риме: "Парламентская фракция готова служить пролетариату, но при условии, что он не будет требовать от нее нелепых поступков" (с.148). Близок к этому и Бернштейн, хотя его мнение выражено в более мягкой форме. Парламентская фракция выступает по отношению к остальным членам партии как замкнутая корпорация, причем это в равной степени относится к фракциям как буржуазных, так и социалистических партий. Внутри фракции также образуется иерархия. Во всех партиях Германии господство вождей фракций выражено особенно ярко, именно они связаны с высшими государственными инстанциями и с депутатами других партий.

В профсоюзах олигархические тенденции выражены ещё более отчетливо. Здесь руководство претендует на право решать вопрос о целесообразности забастовок и переговоров с предпринимателями. Обеспечивает им это право владение профсоюзной кассой, поскольку вопрос о забастовке в значительной степени сводится к финансовой поддержке бастующих. Руководство профсоюзов ссылается обычно на недостаточную компетенцию масс в вопросах рыночной конъюнктуры и отказывается на этом основании от референдума по существенным вопросам.

Вожди обычно полностью отдают себе отчет в степени своего влияния. Так, в 1902 г. итальянские социалисты утверждали, что порядок в стране сохранен только их усилиями. "Если массы наконец прозреют, если мы им откроем глаза на все те нарушения идеала демократии, которые совершаются ведущими партийными деятелями, то их изумлению и недоумению не будет предела. Однако, если они решают выступить против партийного руководства, то своим образом действий и характером своей критики они лишь доказывают, как мало они постигают стоящую перед ними проблему. Не понимая, что источник олигархии следует

искать в централизации власти внутри партии, они видят наилучшее средство для устранения олигархии в ее еще большем усилении" (с.149-150). Полнота власти в руках немногих часто ведет к злоупотреблениям, "представитель" народа перестает быть его слугой и становится его господином. "Превышение своей власти партией не вызывает возмущения масс, которые не потерпели бы этого со стороны правительства" (с.149). Теоретическая сменяемость представителей масс не получает практической реализации. Руководство организации превращается в касту, этот процесс завершается тенденцией к кооптации. "Руководство партии указывает на сложность партийной организации и стремится на этом основании заменить прямые выборы многостепенными" (с.147).

Вожди противостоят массам как единый организм, невзирая на внутреннее соперничество между ними. Массам предлагаются готовые решения, принятые по договоренности в замкнутом кругу; тем самым рядовые члены партии почти не принимают участия в функционировании партийного аппарата. "В серьезной борьбе масс, предпринимаемой вопреки воле вождей, последние в крайнем случае договариваются через их головы с противником, нарушая основные принципы демократии и забывая о своей правовой, логической и экономической связи с массами" (с.152). Так обстояло дело, в частности, в Германии в 1905 г., когда бастовали горняки Рура. Резкое недовольство, вызванное предательством профсоюзного руководства, быстро утихло, и все осталось по-прежнему.

История показывает, пишет далее Михельс, что до сих пор даже такие радикальные средства, как конституирование в качестве центра переговоров постоянного массового собрания и устранение отдельных лиц из правления профсоюза или партии, не давали желаемых результатов. Нет никаких данных в пользу того, что власть олигархии может быть сломлена, так как независимость вождей растет вместе с их незаменимостью. Их влияние и экономическая власть вызывают стремление наиболее способных и

честолюбивых людей в партии войти в ряды этой привилегированной бюрократии, что еще более ослабляет возможность оппозиции к вождям.

Подобно тому как государство создает в качестве опоры бюрократический аппарат, который поглощает недовольные элементы средних слоев, партия расширяет основу своей организации, стремясь материально заинтересовать наибольшее число людей. Это обстоятельство в сочетании с усложнением задач, стоящих перед современной организацией, способствует возникновению сильной партийной бюрократии. Параллельно усилению национальных партийных организаций уменьшается интерес к высоким целям социализма и понимание его специфики в разных странах. Потребности повседневной профсоюзной и партийной жизни вытеснили принципы интернационального сотрудничества и интерес к глубоким философским и историческим проблемам.

Говоря о неограниченной власти вождей демократических партий, следует помнить, пишет Михельс, что теоретически она обусловлена волей масс. Как было показано выше, партия не может обойтись без вождей, но может заменять одних другими. Поэтому для старых деятелей новые, стремящиеся к власти люди могут представлять реальную опасность. Для предотвращения союза между ними и массами старым вождям приходится заигрывать с массами, как бы выполнять их волю. Типичным примером отстранения с помощью масс одних вождей другими может служить в прошлом падение Дантона, затем Робеспьера и т.д. Иногда средством в этой борьбе является демагогия, в некоторых случаях секрет успеха состоит в умении подчинить импульсивность масс своим хорошо продуманным планам.

Борьба между вождями может возникнуть как из объективных, так и из субъективных мотивов. Первые заключаются в различном мировоззрении или, во всяком случае, в различных тактических приемах и понимании задач. Отсюда различные направления в рабочем движении - ревизионистское и

марксистское, синдикалистское, коммунистическое, социал-демократическое и т.д. Субъективные мотивы сводятся к личной антипатии, зависти, интриганству и т.п.

Борьба между вождями ведет к ущемлению свободы слова. Находящееся у власти руководство фактически подвергает скрытой цензуре выступления своих противников в печати. Именно этим объясняется запрет социал-демократической партии своим членам печататься вне официальной партийной прессы. Как правило, массы поддерживают в этой борьбе ветеранов партии. В Германии особенно высоко их моральное превосходство, поскольку многие из них являются основателями Социал-демократической партии и к тому же испытали невзгоды, связанные с законом против социалистов, что придает им известный ореол. Свойственный немцам консерватизм усиливает позиции старых вождей.

Борьба между старыми и новыми вождями ведет обычно не к циркуляции элит, а к их амальгированию. Лишь при резкой, честно признанной несовместимости взглядов может произойти разрыв и как его следствие - разделение партии. Вожди меньшинства в социалистических партиях выступают в защиту свободы и демократии. Однако, придя к власти, они, по существу, ничем не отличаются от своих предшественников.

Олигархические свойства организации усугубляются психологическими причинами, присущими человеческой натуре. Хотя в целом моральный уровень вождей рабочих партий выше, чем вождей других партий, тем не менее само их положение не может не оказывать на них неблагоприятного воздействия. Если на ранней стадии своей деятельности вожди обычно руководствуются не личными интересами, а делом партии, то логика вещей, как правило, развивает в них скептицизм и равнодушие. Тогда их дальнейшая связь с партией основывается на чисто экономических соображениях, поскольку возврат к прежней профессии невозможен как для выходцев из буржуазии, так и для выходцев из рабочей среды.

Обычно они находят объяснение своим методам в изменении требований времени, в необходимости новой тактики и новой теории. Потребность объяснить изменения в характере руководства лежит в основе многих ревизионистских и реформистских течений в социал-демократических партиях ряда стран.

Демократический вождь обладает в глазах народа делегированной ему народом властью, поэтому он может апеллировать к народной воле и считать себя ее легитимным выразителем.

Председатель партии считается тем авторитетом, который партия сама утвердила и в котором воплощена воля партии. Признавать этот авторитет - первое и безусловное требование демократической дисциплины. Вожди партий и профсоюзов требуют абсолютного послушания и выполнения их распоряжений, так как глубоко уверены в том, что стоят над партией. Всякая оппозиция рассматривается как демагогия и нарушения дисциплины. В целом это безусловно носит характер того, что в истории государственного строя получило название бонапартизма, т.е. системы, в которой делегированная на основе плебисцита власть обретает непререкаемую силу. И там и здесь одинаковое отношение к оппозиции, та же аргументация, то же смещение интересов дела и личности, индивида и коллектива.

В социальном анализе власти вождей Михельс отправляется от идеи, согласно которой необходимое условие классовой борьбы - классовое сознание формируется медленно и пробуждается обычно под влиянием представителей классов, принадлежащих к уходящей в прошлое экономической системе. Объясняется это тем, что классы, выражающие настоящее и будущее экономики, еще не осознали ни свою силу и свое значение, ни совершаемый по отношению к ним социальной несправедливости. Не наличие обременяющих условий самих по себе, а их осознание эксплуатируемыми классами является движущей силой классовой борьбы. Этот тезис общего характера

Михельс относит и к пролетариату. О пробуждении его классового сознания позаботилась буржуазия, т.е. именно тот класс, против которого должна быть направлена борьба пролетариата. Однако буржуазия оказывается еще и в другом смысле связанной с ним. Часть ее представителей переходит на сторону пролетариата, руководствуясь либо моральными мотивами, либо глубоким теоретическим прозрением общественного развития. Именно эти буржуазные философы, экономисты, социологи и историки разрабатывают социалистическое учение и в определенных социально-экономических условиях (вне которых этот процесс немислим) превращают спонтанное пролетарское движение в движение социалистическое, инстинктивный мятеж - в целенаправленную борьбу.

Переход ряда представителей буржуазии на сторону пролетариата послужил основанием для теории возникновения бесклассового государства посредством постепенного преобразования психики буржуазии, ее добровольного отказа от своих экономических и социальных привилегий, что логически ведет, как полагают сторонники этой теории (Л.Блан, Де Амичис), к исчезновению и ненужности классовой борьбы. Михельс иронически говорит, что это можно было бы назвать "теорией харакири", если бы не было известно, что и харакири совершается не добровольно, а по приказу высшей инстанции.

В этой связи следует сказать, продолжает Михельс, что, хотя буржуазия еще повсеместно во всех отношениях гораздо сильнее, чем полагают многие специалисты, тем не менее основная мысль, согласно которой общество, лишенное веры в свою нравственную правоту, вступает в агонию, верна.

Проникновение гуманитарных идей, пробуждающих сомнение в праве буржуазии на привилегированное положение в обществе, деморализует господствующий класс и лишает его способности защищать свои позиции. Этот закон действует и в более широких масштабах, например в национальной борьбе. Несомненно одно: обязательным условием победы всегда является

уверенность в превосходстве своих аргументов и это - одно из важных условий борьбы социалистических партий. Однако история показывает, что сила подобного воздействия ограничена социальными условиями. Пропаганда успешна в тех случаях, когда она обращена к народным массам, к классам, интересам которых она служит, и совершенно безрезультатна, если она призывает господствующий класс отказаться от своих экономических и социальных привилегий. Поэтому, хотя социалистическое учение могло настолько привлечь "буржуазных сынков", что они отказались от положения в обществе, от семьи и друзей, посвятив свою жизнь освобождению людей от нищеты и угнетения, класс буржуазии в целом никогда не откажется по этическим мотивам от своего привилегированного положения в пользу своих "бедных братьев".

Безусловно, и пролетариат обладает классовым эгоизмом, однако его классовые интересы в своей конечной цели совпадают в силу исторических условий со стремлением к бесклассовому обществу, с идеальной целью всего человечества.

Между утверждением о значении веры в свое право и необходимостью классовой борьбы нет противоречия. Убеждение и сила аргументации ослабляют врага, придают борьбе этическое обоснование, но победу может дать не слово, а только фактическое превосходство силы.

В типологии вождей рабочего движения Михельс выделяет три категории: вождей мелкобуржуазного происхождения, пролетариев и выходцев из буржуазии. Преобладающими являются первые два типа. Подробно характеризуя мотивы вступления представителей буржуазии в партию пролетариата, Михельс подчеркивает присущий этому акту идеализм, поскольку с ним связана готовность прослыть дезертиром, добровольно отказаться от своего положения в обществе. Однако в "идеализме" буржуазных сторонников социализма наблюдаются различные оттенки - такие, как стремление к всеобщему благу, следование научным выводам, указывающим на несомненность изменения общественного строя, вера в социализм при отчужденности от масс, мотивы личного

характера, отождествление социализма с патриотизмом и т.д. Связь пролетариата с социалистической партией органична и обычно соответствует традициям семьи и социального окружения.

Пролетарские элементы, вступая в партию, испытывают на себе влияние процесса, который Михельс определяет как "обуржуазивание рабочих партий".

Этот процесс включает три феномена: 1) приток мелкобуржуазных элементов в пролетарскую партию; 2) свойство, характерное для организации рабочих, - создавать мелкую буржуазию; 3) формирование мелкой буржуазии в социалистических партиях в результате солидарности членов партии с рабочими, выступающими в определенный момент в качестве самостоятельных мелких "предпринимателей".

Приток в партию мелкобуржуазных элементов осуществляется при расширении партии и превращении ее в народную партию, выражающую интересы всех "трудящихся". Однако если в ряде социал-демократических партий мелкобуржуазным элемент составляет довольно значительный процент, в целом социал-демократические партии рекрутируются преимущественно из пролетариата; их социальное единство и придает им силу, которой многие другие партии Германии, в том числе левые, лишены. Социал-демократическая партия Германии пополняет свои кадры, необходимые для построения нового мира, из того класса, который только и может создать социально-экономические предпосылки для осуществления этой задачи. Поэтому утверждения анархистов и буржуазных радикалов об "обуржуазивании" рабочих партий вследствие большого притока мелкобуржуазных элементов не соответствуют действительности. Причины этого явления, которое действительно имеет место, по мнению Михельса, совсем иные.

Свойство самой организации рабочих создавать новые слои мелкой буржуазии является следствием модификации партии, вызываемой появлением органов власти, необходимых в классовой борьбе. Современное рабочее движение предоставляет наиболее

интеллигентным слоям рабочего класса возможность социального возвышения. Огромный аппарат партии и профсоюза нуждается в людях, для которых партийная деятельность является профессией. Таким образом, в ходе процесса своего рода естественного отбора с помощью партийного механизма формируется пролетарская элита с совершенно новыми функциями. Ее представители становятся работниками умственного труда, и их существование, невзирая на громадную работу, носит более устойчивый и спокойный характер, чем их прежняя деятельность. Этот переход от физического к умственному труду знаменует собой кардинальное преобразование социального статуса - рабочий постепенно переходит из рядов пролетариата в ряды мелкой буржуазии; в социологии этот новый статус получил наименование статуса "привилегированного рабочего". Изменение экономического положения рабочего влечет за собой и изменение его психики. Иронией судьбы социал-демократическая партия в ряде случаев депролетаризует наиболее способных представителей рабочего класса. Подобно тому как наиболее способные элементы буржуазии переходят на сторону пролетариата, так пролетариат в своей борьбе за экспроприацию буржуазной собственности теряет наиболее проникательных и подготовленных своих представителей и способствует их переходу в лагерь своего противника. Создается нечто вроде социального обмена между классами, что, конечно, отнюдь не ослабляет социальный антагонизм.

Рабочая солидарность сохраняется по отношению к тем пролетарским элементам, которые переходят в ряды мелкой буржуазии в процессе борьбы за свое социальное освобождение вне рамок социалистических организаций. Речь идет о попытках пролетарских элементов, обычно на ранней стадии формирования организации или в период ее ослабления (это происходило в Германии в период действия закона против социалистов), обеспечить свое существование вне своей профессии. Создается мелкобуржуазная группа прежних пролетариев, которых, составляя их постоянную клиентуру, всячески поддерживают организованные

рабочие. Деятельность представителей этой мелкобуржуазной группы, которые могут быть в определенные моменты полезны партии (предоставляя помещения для собраний и повседневных встреч, распространяя партийную прессу), вместе с тем основана на собственнических интересах в качестве владельцев и т.д. и часто идет вразрез с интересами партии.

В целом, однако, следует признать, что организованные рабочие едины в своем противостоянии классу, обладающему собственностью на средства производства, и государству, легализирующему господство этого класса. Это - важная исходная позиция, подчеркивает Михельс. Однако вместе с тем не следует забывать о дифференциации рабочих в современном производстве и представлять себе их как единую серую массу. В самом рабочем движении проявляется разделение на различные социальные слои, часто значительно отличающиеся друг от друга по предлагаемым ими методам и тактическим приемам. Разногласия между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми, организованными и неорганизованными рабочими подчас принимают весьма острый характер при решении таких вопросов, как празднование Первого мая, проведение забастовок и т.д. Члены профсоюзов замыкаются в своей среде, отделяясь от неорганизованных рабочих даже тогда, когда те хотят примкнуть к ним в их борьбе против предпринимателей. В англосаксонских профсоюзах корпоративизм настолько силен, что позволяет говорить о наличии рабочей аристократии, затрудняющей всеми средствами доступ в профсоюз нежелательных им новых членов.

Невольно возникает опасение, что может сложиться ситуация, при которой рабочие определенной прослойки перестанут стремиться к переустройству общества и вольются в существующую систему.

В ряде случаев высказывалось мнение, что руководство рабочим движением должно принадлежать лицам пролетарского происхождения, находящимся в более тесном контакте с массами и

способными успешнее, чем выходцы из буржуазии, вести к намеченной цели.

Если говорить о профсоюзных работниках, то тип их меняется в зависимости от фазы, которую проходит движение. Качества, необходимые для руководителей слабой в финансовом отношении организации, занятой распространением социалистических идей и проведением забастовок, вытесняются совершенно иными на более высокой стадии, когда основной целью окрепшего профсоюза становится получение преимуществ посредством мирных переговоров с предпринимателями. Преисполненный энтузиазма агитатор сменяется обладающим прочными профессиональными знаниями чиновником.

Особняком как будто стоит профсоюзный деятель синдикалистского типа. Здесь ядром прямого действия служит самодовлеющая свободная от влияния партийных вождей организация рабочих. Не парламентские представители, а сами рабочие творят свою судьбу. На практике все это, однако, означает только то, что вожди рабочих будут выходцами из пролетарской среды. Сторонники синдикализма полагают, что политика такого руководства и будет политикой пролетариата. Между тем это не более чем иллюзия. Перейдя в правление организации, бывший рабочий перестанет быть таковым и становится таким же чиновником, как бывший доктор или адвокат, который перешел на сторону пролетариата и выполняет в его организации определенные функции.

Между тем, пишет далее Михельс, именно в партийном деятеле из рабочей среды особенно сильно проявляются своеволие и властолюбие, а также утрата революционного энтузиазма и меньшая способность противостоять "любезностям" со стороны правительства и буржуазных кругов. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение дортмундской рабочей газеты от 16 сентября 1903 г., где речь идет о верноподданнической реплике социал-демократического депутата во время аудиенции Вильгельма II. Часто личные и объективные мотивы профсоюзных

вождей в их компромиссной политике совпадают, поскольку они искренне считают, что неосторожными действиями можно лишиться завоеванных рабочим классом преимуществ.

На основании всего сказанного Михельс приходит к выводу, что пролетарское происхождение не дает никаких гарантий от метаморфозы, происходящей под действием олигархических тенденций. История рабочего движения в ряде европейских стран служит тому подтверждением. Более того, чем однороднее пролетарский состав рабочей партии, тем больше она подвержена воздействию среды. Поэтому сетования на то, что проникновение в пролетарскую партию буржуазных элементов порождает оппортунизм, свидетельствует лишь о недостаточном знании действительного положения дел.

Действие олигархических тенденций, присущих природе организации, на вождей рабочих партий разных стран отличается в зависимости от национального характера, исторических традиций и т.д. Так, наиболее ярко приведенная выше склонность к примирительной политике и к сближению с буржуазией проявляется в США, где неограниченная власть капитала и коррупция прочно утвердились во всех институтах общества. Именно в США поэтому в громадных масштабах растет стремление профсоюзных вождей господствовать над рядовыми членами профсоюза, использовать свое положение для дальнейшего продвижения.

Завершая сравнение двух типов вождей рабочего движения - выходцев из пролетарской среды и представителей буржуазных кругов, перешедших на сторону пролетариата, Михельс делает ряд выводов.

Совершенно очевидно, что борющаяся политическая партия пролетариата должна рекрутировать вождей из своих рядов. Однако это отнюдь не оправдывает недоверия к тем, кто, отказавшись от всех преимуществ своего класса, перешел на сторону пролетариата. Конечно, университетское образование в такой же мере было бы доступно рабочему, если бы он располагал

необходимыми для этого условиями, как любому другому среднему студенту. Однако в современном обществе рабочим доступ в высшие учебные заведения фактически закрыт, их образование не достигает уровня, необходимого для разработки теоретических проблем и понимания сложных практических связей. Поэтому исключение из рядов социал-демократических партий выходцев из буржуазии, обладающих прочными знаниями, обеднило бы рабочие партии.

Буржуазные элементы имеют не только право на существование в рабочем движении, но являются его необходимой частью.

В отдельном разделе рассматриваются попытки предотвратить действие олигархических тенденций в организации. К ним относятся: референдум, пролетаризация буржуазных элементов, хождение в народ (прежде всего в России), синдикалистское, анархистское решение данной проблемы.

Что касается референдума, то применение этого метода дало неудовлетворительные результаты - и от него пришлось отказаться.

Попытки раствориться в народе являются политической тактикой идеалистов в период большого духовного подъема в разных слоях общества и не могут быть расценены как плодотворное средство против олигархии. В настоящее время отзвуки идеи растворения в народе находят свое выражение в требованиях изоляции членов рабочей партии от буржуазного окружения. В Германии к этому относится, в частности, запрещение печататься в буржуазной прессе.

Значение синдикализма автор видит в отчетливом понимании опасности, связанной с действием буржуазной демократии. Его сторонники характеризовали государственную власть демократии как господство меньшинства, коренным образом противостоящее требованиям рабочих. Однако все выступления синдикалистов против немецкой социал-демократии, партийных интеллектуалов Франции и Италии в конечном итоге не выходили за рамки борьбы с демагогией в партии. Синдикалисты считали

необходимым переместить центр тяжести революционной борьбы из политической партии в политически нейтральный профсоюз, социалистический по своему мировоззрению и своей цели.

Тем самым синдикалистская теория отнюдь не отрицала необходимость организации в рабочем движении. Задачу свою она видела в том, чтобы устранить основной ее недостаток - господство меньшинства над большинством.

Основная ошибка синдикализма состоит в том, что он приписывает парламентскому представительству все те недостатки, которые связаны с передачей мандата как таковой. Принцип, таким образом, не устраняется, и синдикалистское движение так же ведет к олигархии, как и критикуемая им "демократия". Призывая к прямому действию автономной рабочей массы, к устранению всякого представительства, французские синдикалисты полагают, что общие социологические законы не распространяются на возглавляемое ими движение. Между тем в любом профсоюзе действуют те же законы, которые синдикалисты обнаруживают в партии; без представителей масс нет ни революционной борьбы, ни профсоюзных организаций.

Экономическая борьба всегда создает благоприятные возможности для продвижения способных людей и завоевания ими признания в широких кругах общества. Примером может служить карьера Джона Бернса, возглавившего в 1889 г. забастовку лондонских докеров, или А.Бриана, выступившего в 1904 г. в Нанте глашатаем всеобщей забастовки. Руководство профсоюзом часто является лишь промежуточной стадией политической карьеры.

На практике в синдикалистских профсоюзах также неизбежны иерархия, повиновение большинства, господство меньшинства. Чем больше усиливались французские синдикалисты, тем сильнее становилось господство их вождей, по существу ничем не отличавшееся от власти профсоюзных вождей в других странах.

Первыми обратили внимание на олигархические тенденции в партийной организации анархисты. Выступая против любой формы власти и принуждения, они отказались от создания партии

как устойчивой организации и от парламентской деятельности. Тем самым вожди анархистов должны быть как будто свободнее от честолюбивых эгоистических стремлений, чем вожди социал-демократических партий. Однако более высокий моральный уровень анархистов (который часто обнаруживается) не устраняет и здесь действия свойственных всем организациям тенденций. Различие заключается в том, что применяемые анархистскими вождями методы характерны для той стадии развития, которая для современных политических партий уже относится к прошлому.

Придавая еще большее, чем синдикалисты, значение "Прямому действию" пролетариата, анархисты также не могли полностью отказаться от административных функций организации и от необходимой дисциплины. Федеральный парламент, предлагаемый Бакуниным в качестве исполнительного органа, может функционировать только в том случае, если он располагает властью и поддержкой государства.

Таким образом, и анархизм, провозглашающий полную свободу индивида, подчинен на практике - как только он осуществляется в политической деятельности - тому же закону олигархии, что и социал-демократия.

В заключительном разделе книги поставлены следующие вопросы: 1) неизбежна ли олигархия в демократических партиях; 2) обязательно ли ведет олигархическая сущность организации к олигархической политике; 3) следует ли считать невозможным для демократической, революционной партии в условиях демократического государства проводить революционную политику; 4) является ли действительно социализм и даже просто социалистическая политика (что не одно и то же) утопией.

Ответить на последние два вопроса нетрудно. Влияние демократической партии (независимо от присущих ей олигархических черт) на государственную политику в сторону большей демократизации очевидно. Законодательные и административные органы привыкли в известной степени считаться с волей масс. Однако процесс этот останавливается, как только

оппозиция приходит к власти. Тем самым влияние оппозиционной партии ограничено природой демократии.

Можно предположить, что при безусловной консервативной внутренней структуре партии ее внешняя политика революционна, что концентрация власти в верхушке партии рассматривается как средство для осуществления революции.

Однако этому противодействует характер партии как организации, наиболее важной целью которой является рост числа членов и парламентских мандатов, что непосредственно связано с ослаблением интереса к важным теоретическим проблемам. Между ростом партии и большей осторожностью в ее политике существует прямое соотношение. На определенной стадии своего развития демократическая партия полностью отказывается от революционных лозунгов и радикальных методов, которые провозглашались ею раньше.

Из средства для осуществления поставленной цели организация превращается в самоцель. Революционная партия становится вполне консервативной по своей сущности и, пользуясь прежней революционной терминологией, на практике не выходит за рамки обычной оппозиции. Именно такова была позиция Социал-демократической партии Германии до первой мировой войны, весьма далекая от того, к чему стремился Маркс.

После Маркса целью Социал-демократической партии Германии становится не уничтожение существующего государственного строя, а проникновение членов партии в государственные органы. Революционная партия не противостоит буржуазным партиям, а соперничает с ними в своем стремлении к власти.

В этих условиях, когда интересы партии как организации становятся самоцелью, партия отрывается от класса, который она представляет.

Между учением о классовой борьбе и учением, по которому классовая борьба на каждом ее решающем этапе завершается

созданием олигархии, нет противоречия, утверждает Михельс. История показывает, что любое народное движение в конечном итоге сводится к тому, что его наиболее выдающиеся представители постепенно отрываются от масс и поглощаются новым политическим классом. Массы лишь меняют вождей.

Вожди - необходимый атрибут общественной жизни. Оставляя в стороне качественную оценку этого явления, следует со всей решительностью указать на то, что оно не тождественно основным принципам демократии. Олигархическая структура организации все более отрывается от ее демократической основы.

Основной вопрос политики как науки гласит: какая степень демократии возможна и осуществима в данный момент? Совершенно ненаучно предположение, будто после прихода социалистов к власти можно будет с помощью незначительного контроля легко достичь отождествления интересов вождя и масс. Неподготовленность массы к решению социальных и политических задач не может быть легко устранена, возможности роста ее компетентности противостоят все большее усложнение общественной жизни.

Задачей данной работы, пишет в заключение Михельс, было указать на вероятность пессимизма в вопросе о возможности осуществления демократического идеала, на его реальную значимость, а также осветить ряд социологических тенденций, противостоящих утверждению подлинной демократии, тем более социализма.

Тем не менее следует помнить, что подлинно демократическое и революционно-пролетарское движение может способствовать ослаблению олигархических тенденций, ибо в демократии заключен принцип пробуждения критической способности.

С улучшением материальных условий и ростом образования эта способность будет все увеличиваться в рабочей среде.

Следовательно, борьба с олигархическими тенденциями в рабочем движении должна идти в области социальной педагогики.
Историческая неизбежность олигархии не устраняет необходимости борьбы пролетариата с ней и веры в превосходство демократии над любым другим государственным строем.